

Запах дезинфицирующих средств он не забудет до конца своих дней.

Эту тошнотворную вонь он вдыхал уже три года.

На потолок он смотрел ровно три месяца.

Рак легких в терминальной стадии. Врачи давали три месяца, но он продержался уже четыре.

Деньги семьи обратились в пепел, слезы родителей прожгли реки.

Стоило ли оно того? Реально ли это?

Когда солнечный свет снова пробился сквозь занавески, его вера стала еще крепче.

Жить, жить, жить.

Эти три слова крутились у него перед глазами три года, и было уже неважно, молитва это или проклятие.

Любой ценой снова пройтись по залитой солнцем улице.

Неужели это действительно я? Все вокруг не должно быть таким, он хотел вырваться наружу, он так сильно хотел жить.

Израненные трещинами руки родителей гладили его ледяные ладони, а горячие слезы падали на тыльную сторону кистей.

Сначала раздался резкий писк приборов, а затем наступила тьма.

...

...

...

— Эй, Цин Хуан, ты что, всерьез собираешься пропустить день рождения Гуаньцзе?

Брови Цин Хуан слегка нахмурились, после чего она резко открыла глаза.

Вместо привычной белой лампы дневного света.

Перед ней висела безвкусная хрустальная люстра и... чье-то весьма смазливое лицо, правда, с крайне задиристым выражением...

Руки так и чесались дать ей в морду. А Цин Хуан — это еще кто? Какой-то чужой ребенок?

— О? Наконец-то соизволила проснуться? А я-то думала, ты целыми днями увиваешься за моим Гуаньцзе, а в итоге умудрилась проспять его день рождения, — женщина скрестила руки на груди, и ее тон ничем не отличался от того, с которым дразнят котенка.

— Тц-тц-тц, чего уж там, почему бы тебе не продрыхнуть до его следующего дня рождения? М?
— в ее голосе сквозило откровенное презрение.

Но Цин Хуан проигнорировала ее.

В голове билась лишь одна мысль, раз за разом сокрушавшая ее многолетний жизненный опыт.

Я все еще жива?

Технологический прогресс зашел так далеко? Меня вытащили с терминальной стадии рака легких?

Грудь все еще ныла — тупой болью, словно ее кто-то сжал в кулак, и это ощущение она узнала бы с закрытыми глазами.

Она инстинктивно прижала руку к груди, но пальцы наткнулись на что-то мягкое.

Очень мягкое, большое — именно такое, о каком можно только мечтать, но... почему это на ее теле?

—

Она опустила взгляд вниз, затем посмотрела на потолок и снова опустила глаза к груди.

— Я что, как-то не так проснулась?

Эти две выдающиеся выпуклости на груди торчали так очевидно, словно безмолвно насмехаясь над ней, и нанесли серьезный удар по ее хрупкой душевной организации.

Она осталась жива, но жизнь, кажется, пошла по совершенно другому сценарию?

— Ты что, оглохла? — голос женщины напротив взлетел на октаву выше.

Цин Хуан наконец отвела взгляд от собственной груди и уставилась на собеседницу. Пара темно-красных зрачков прищуренно разглядывала ее, и такая агрессия во взгляде заставила Цин Хуан почувствовать себя не в своей тарелке.

— Ты вообще кто такая?

Женщина на мгновение замерла, а затем хмыкнула, словно глядя на нелепую, шитую белыми нитками ложь.

— Ладно, продолжай притворяться, — она развернулась и направилась к окну, чтобы дернуть занавески.

В тот момент, когда в комнату хлынул солнечный свет, Цин Хуан ослепило до белых пятен перед глазами, и она инстинктивно вскинула руку, чтобы защититься. От этого движения снова заболела грудь, словно внутри нее несколько раз прокрутили булаву.

Не удержавшись, она тихо застонала.

Задержнув шторы, женщина вернулась, остановилась прямо перед ней, пару секунд наклонив голову изучала ее с ног до головы, а затем протянула руку и ущипнула ее за грудь.

Цин Хуан остолбенела — она никак не ожидала, что кто-то способен проделывать такие вещи с такой непоколебимой наглостью!

— Сама дала себя облапать и еще удивляется, — женщина, похоже, потеряла интерес и с легкой усмешкой убрала руку, после чего направилась к выходу. — Дура.

Прежде чем дверь закрылась, Цин Хуан заметила на ее груди бейдж.

Хэ Кефэн.

Три незнакомых иероглифа, ни малейшего воспоминания.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тусклым светом безвкусной люстры под потолком.

Цин Хуан сидела на кровати по-турецки, потратив примерно три секунды на принятие факта:

она превратилась в девушку.

Рак легких никуда не делся, обратный отсчет продолжался, просто сменилась оболочка.

Она мысленно пролистала свои прошлые двадцать с лишним лет жизни — от детского сада до больничной палаты, каждая деталь стояла перед глазами так четко.

Но в этой летописи не было имени Хэ Кефэн.

Не было этой спальни, этой убогой люстры и вообще каких-либо следов существования некой Цин Хуан.

Переселение?

Или захват тела?

Цин Хуан?

Да неважно, как ее теперь зовут, главное, что сейчас она — совершенно другой человек.

Размышлений о смене пола во время пустых мечтаний было хоть отбавляй, так что в момент, когда это действительно произошло, элемент неожиданности оказался уже не столь сильным.

Она встала с кровати, уперла руки в боки и окинула комнату хозяйским взглядом. Заметив зеркало с отражающей поверхностью, она лукаво перевела на него глаза.

Босые стопы коснулись прохладного пола, но даже этот холодок не мог оставить ее охватившее любопытство.

— Дай-ка взглянуть, как выглядит это тело!

<http://bllate.org/book/19346/1891911>